

Что-то случилось...

МЫ СИДЕЛИ с Машей на работе и молча пили чай. Она просматривала новости в Интернете.

- Ужас какой!
- Что такое?
- Да вон, война в Осетии...
- Серьёзно? И давно?
- Второй день уже.

Я отхлебнула чай. Хотела сказать ей что-то важное, но никак не могла вспомнить что:

- А! — вспомнила я. — Забыла сказать, я себе кофточку вчера купила, постирала, завтра в ней приду, такая классная, я в неё прямо влюбилась! Слушай, а с чем печенье? Такое вкусное...
- Шоколадно-ореховый крем.
- Это ты в нашем магазинчике покупала?
- Ага.
- Надо будет домой себе такое же купить.

Мы молчали, очень хотелось спать. Тишина и щёлканье компьютерной мыши убаюкивали.

- А Осетия от нас далеко?
- Относительно, на границе с Грузией.

— Ты думаешь, я знаю, где Грузия находится? Так, приблизительно...

— Страшно. — Маша говорила слишком серьёзно. Я насторожилась. Но тут же отогнала от себя дурные мысли.

— Ой, да ладно, что ты всё так близко к сердцу воспринимаешь? Кто на кого напал?

— Грузия на Осетию.

— И что они никак не угомонятся... что им надо-то?

— В том то и дело, что Грузии эта война нафиг не нужна.

— А ты ведь из Грузии родом, да?

— Нет, мама оттуда. Я в Москве родилась.

— Надеюсь, до нас не дойдёт, я ещё в институт не поступила и замуж хочу. Я ещё так молода и красива! — попыталась пошутить я. Маша не отреагировала. — Пойду ещё чай сделаю, тебе налить?

Дома я просматривала видео в Интернете и наткнулась на то, что стало причиной моего беспокойства на последующие несколько дней. Это было видео, касающееся войны в Осетии. Я давно не смотрела телевизор, поэтому даже предположить не могла, что там всё так серьёзно. И тут сразу столько всего. Видео состояло в основном из фотографий. Под страшную музыку реши-

тельным голосом говорил мужчина, он говорил вещи, к которым я не могла оставаться равнодушной:

«Снова война. Снова тысячи невинных жертв. Дети, женщины, старики. Ни в одном языке мира нет слов, чтобы выразить всё то горе и скорбь, что принесли грузинские пушки в маленькую республику Осетия. Война — это не только оружие, солдаты, танки и экстренные выпуски новостей, прежде всего это гибель невинных, это когда застрелили твоего лучшего друга, это твой дом, лежащий в руинах, и твоя трёхлетняя дочь, которая забилась в угол подвала, закрыла своими ручками лицо и тихо плачет, дрожа от страха. И некому помочь, и некуда бежать... Два дня назад в Осетию пришли грузины и убили полторы тысячи человек. ДВА ДНЯ НАЗАД. Полторы тысячи. Но кому это нужно? И зачем? Три буквы — США». Сложно было смотреть дальше, от слёз я уже почти ничего не видела. Помню, там была такая фраза: «Потому что всем ВСЁ РАВНО...» Под конец я немного успокоилась, и последнее, что я услышала, было: «Как ты можешь помочь? В среду, девять вечера, приди к посольству США, зажги свечу. Постой молча десять минут. Это будет твой крик молчания».

Тупые америкосы! Уроды! Ненавижу!

Господи...

Третья мировая.

После этого я не могла больше ни о чём думать. Везде я слышала подтверждения своих предположений. Третья мировая. Ну неужели так скоро? Мы ещё после Второй как следует не оправились. Самое страшное то, чего я так боялась, кажется, скоро должно произойти и произойдёт это, не где-то далеко, а именно здесь. В моей стране. Ведь «Осетия всего лишь пешка в этой большой игре».

Моя милая Родина... Что же это такое? Неужели тебе опять придётся страдать? Неужели опять твоя земля будет залита кровью и без того пропитанная ей? Разом обрубали всё. Мечты, планы. Ровно так же как, и 22 июня 1941 года. Почему всё так внезапно? Почему мы заранее не знаем дату своей смерти? Зная, когда это случится, мы бы не растрчивали время впустую. Я же теперь ничего не успею.

Я шла по метро. В плеере играла какая-то жалостливая музыка. Может, она просто такой мне в тот момент казалась. Я шла, разглядывая людей, и мне было страшно. Страшно от того, что когда-то всего этого не будет. Вот эта модница больше не сможет купить себе самые дорогие сапоги, и пусть в её голове ветер! (Хотя, откуда мне знать, что у неё в голове, в любом случае она то-

же имеет право на существование, даже если она пустышка.) И вот эта бабулька, которая, казалось, уже своё отжила. Она тоже должна жить! Ведь она чья-то мама и бабушка. Пусть старенькая. Мимо меня прошёл мужчина, он нёс на руках маленькую дочку, малышка спала на груди, обвив руками папину шею. Колготочки чуть-чуть сползли, носочек одной колготины болтался. Моё сердце сжалось от жалости ещё больше. Господи! А ведь если начнётся война, эта девочка никогда больше не будет бегать своими маленькими ножками по земле. Эта девочка никогда не узнает, что такое любовь, что такое счастье. И никогда не будет, как и я, мечтать. Люди мои, любимые! Живите! Господи! Пусть они живут, пусть! Дай всем возможность узнать, что такое счастье. Пусть я умру, пусть! Мне не страшно! Я уже пожила. Я уже была счастлива! Но только пусть этот вечный круговорот жизни не заканчивается. Пусть война — но не большая. Господи! Прошу тебя, я люблю их. Пусть живут...

Голова ужасно болела. Слёзы почти не переставали течь. Работать в этот день я не смогла. Меня отпустили домой. Дома было спокойнее, я не видела людей. Я пересмотрела все новости. Слушала радио. И в последующие три дня тоже. Всё утихало. Война вроде бы закончилась. Споров стало меньше. На душе отлегло.

Господи! Спасибо тебе. И я дальше живу, и я снова счастлива.

* * *

«Мне сорок четыре года. Я успешный актёр, получивший недавно „Золотую маску“. Я заслуженный, у меня все есть“. — Иногда приходится говорить это самому себе, чтоб поверить в своё существование. Ощутить себя не только изнутри, но и снаружи. Порой мне кажется, что я проживаю чью-то чужую жизнь, что все это происходит не со мной.

Я душа в чьём-то теле.

Никогда бы не мог подумать, что мне надоест моя работа, дававшая раньше мне второе дыхание.

И как только я мог жить чужой жизнью, как я мог переживать за кого-то, смеяться и плакать? Театр, кино и литература — это, конечно, удивительные явления, которые заставляют чувствовать острее. Но когда заканчивается спектакль или когда дочитываешь книгу, в тебе то-то умирает, миф, мечта, которой ты жил, растаяли. И ты больше не чувствуешь, ты продолжаешь жить своей жизнью, скучной и неинтересной, такое чувство, что жизнь бывает только в

чём-то воображении. Но нет, всё реально. А я не чувствую! Где эта жизнь и почему она не бывает так прекрасна, как фантазии?

Всю жизнь чего-то ждёшь, во что-то веришь, надеешься, но не живёшь. И любишь только в мечтах, а когда любовь приходит — сомневаешься.

Мысли теряются. Живёшь в каком-то беспорядке, в спешке, постоянно что-то планируешь, что-то выдумываешь, к чему-то стремишься. А время идёт, время никогда не останавливается, оно не будет ждать того момента, когда ты найдёшь себя и начнёшь жить, оно рассекает твою жизнь на части — три года, пять, десять лет, пятнадцать, двадцать пять, тридцать, сорок... И оборачиваясь назад, ты вдруг понимаешь, что в твоих планах было найти себя ещё десять лет назад, а ты до сих пор в поисках. И ты пытаешься ускорить эти поиски, бросаешь во все тяжкие, и тем самым только быстрее растрачиваешь своё время.

А потом, когда тебе уже за сорок, когда у тебя уже есть семья, друзья и работа, ты сидишь в своём любимом кресле и не можешь понять, когда ты успел всё это сделать и почему до сих пор счастье не приходит. И после долгих размышлений, а может, просто внезапно, ты понимаешь, что оно уже есть и всегда было с тобой, но ты не замечал, не слушал его, ты спешил найти истину, а эта истина здесь, всегда была рядом. И в погоне за фантомом ты чуть её не упустил...

И счастлив тот, кто понял это раньше последнего дня своей жизни, счастлив тот, кто смог вовремя остановиться и рассмотреть, что жизнь уже идёт, что она есть и что она совершенна. Она такая, какая есть, и ничего в ней не поменяешь, можешь только попытаться это сделать, тем самым ты изменишь только себя, но не жизнь. Жизнь совершенна...

Чёрт. Хорошо сказал! Совершенна... Разложил всё по полочкам. Хорошо бы теперь не забыть.

— Не надо Лен, не включай телевизор!

— Там сейчас новости будут.

— И что?

— Ничего. Иди в другую комнату.

«Главной темой нашего выпуска по-прежнему остаётся война в Южной Осетии...»

Господи... Вот тебе и совершенна...

* * *

Я сидел в ванной и молча рассматривал свою ладонь. Линия жизни. Она не доходит до конца,

она такая короткая и нечёткая. Страшно подумать о том, что она вот так, на этом самом месте оборвётся. Вот. На этом самом месте! И что в этот момент будет со мной происходить? Как это случится? Один я буду или нет? Надеюсь, что я буду один и что по мне не будут так же убиваться и плакать как по Руслану. А ведь у него линия жизни была чётче моей и длиннее, я ведь помню мы рассматривали её вместе, ещё шутили. Он тогда сказал: «Ха-ха-ха, не переживай, Лёха, я принёсу на твои похороны гвоздики». Он знал, что я ненавижу гвоздики и вообще цветы не люблю.

Ну надо же... мы смеялись, сейчас с трудом это верится. Теперь как-то не до смеху. Жили себе спокойно, шутя, не о чём не задумывались — и на тебе. Как же страшно... Я даже не хочу думать о сне. Я любил Руслана, почему же теперь я его так боюсь? Почему я боюсь заснуть и увидеть его во сне?

Я шёл в свою спальню и случайно сквозь открытую дверь увидел телевизор, который работал в отцовской комнате. Экстренный вызов. А, ну тоже мне новость, война в Осетии. Уже второй день воюют.

— Ма, а Осетия от нас далеко?

— Да, сынок, далеко. Что там новенького в новостях?

— Да по-старому всё. Воюют...

...Руслан, друг мой, единственный и настоящий, а ведь ты так и не встретил любовь. Ты, так же как и я, мечтал. Мечтал уехать в Москву, хотел стать музыкантом. Что теперь будет с твоими поклонницами? Их ведь немало осталось в нашем городе.

Тебя больше нет. И я знал тебя, как ни кто другой, ты не был таким идеальным, как тебя все себе представляли. Но всё же ты был лучшим. Господи, брат, ну почему? Но почему ты?

Прости, но я бы не отдал за тебя жизнь, потому что не хотел бы, чтоб ты был сейчас на моём месте. Тебе-то сейчас всё равно.

Всё равно. Ничего не будет. Никого не будет. И как только мы живём со всем этим? Все знают, что когда-то умрут, что больше не будут щуриться от яркого света, не будут чувствовать запахи, тепло и холод. Не будут любить и больше никогда не будут счастливы. Как теперь с этим жить?!

Я слышу его голос. Обрывки фраз, они звенят у меня в голове. «Я своего добьюсь», «Брат, ну ты же меня знаешь, погоди, годик-другой...» Годик другой... Не прошло и недели после этого разговора, как ты погиб. Живём и не задумыва-

емся, строим планы на будущее. А если задумываться об этом, то можно сойти с ума...

И долго меня будет преследовать эта ужасная музыка? Ненавижу того, кто её придумал! Зачем вообще пригласили на похороны этот дурацкий оркестр? Чтоб разжалобить людей ещё больше? Да кому это надо?

Как я устал...

Больше никогда ни к кому не пойду на похороны. Даже если это будет близкий мне человек. Покойнику всё равно, а что мне смотреть на бездушное тело? Главное, сохранить человека в своей памяти.

Человек, которого я позавчера обнимал, который два дня назад целовал своими влажными губами нелюбимую девушку, сейчас лежит в земле. И уже, наверное, начал гнить...

Господи, ну что за мысли? Когда это кончится, когда исчезнет этот комок, который застрял в моем горле? Ведь это же должно когда-то кончиться. А я буду продолжать жить и, естественно, буду забывать его. Поначалу будет тяжело, а потом все уляжется.

Да, был у меня такой друг, Руслан, мы вместе в группе играли. Шабутной был, в камаз врезался по пьяни, царство ему небесное. Хороший был парень, мы с ним почти как братья были. Так о чём мы там говорили? Ах да, мне нравится наш новый вокалист, думаю, надо бы его оставить.

Прости, Руслик, прости, братишка. Но я буду жить. Может быть, когда-нибудь встретимся, в чём я, конечно, сомневаюсь.

* * *

— Обними меня. Ну ты что? Я же не просила пожать меня! Я просила обнять... вот так...

— Насть, а Насть...

— Отстань. Ни сегодня. Давай просто так полежим.

— Ну и ладно. Давай тогда спать.

— Угу, люблю тебя.

— Володь, а как ты думаешь, война до нас дойдёт?

— Я уже не думаю... я сплю...

— Ну, Вов.

— Нет, наверно.

— А если дойдёт? Что ж тогда будет?

— Трындец нам всем будет.

— Ха, добрый мальчик, спасибо, успокоил.

— Да всё будет нормально, никому эта война не нужна, все жить хотят... всё, Настён, давай спать.

— Угу, я уже давно сплю...

— А я вот решила — если будет война, я пойду воевать. Раньше думала, что буду прятаться, я сейчас понимаю, что просто так в сторонке спокойно стоять не смогу. Ты слышишь? Ты вообще понимаешь, о чём я? У нас же хотят отнять наше будущее!

— Ну, ё моё, может, тебе снотворного принять?

— Ты даже не представляешь, как я сейчас серьёзно тебе это говорю. Слышишь меня?

— Да слышу, слышу... Насть, ну что ты говоришь? Если и будет третья мировая, то так бомбанёт, что и спрятаться не успеем, а ты воевать собралась...

— Дурак.

— Ну что ты завелась-то? Что сейчас об этом говорить?

— Вот мы сейчас спим в тёплой постельке, ни о чём не задумываясь...

— Ага, «спим», «не задумываясь», особенно ты...

— Вот мы сейчас лежим в тёплой постельке, на улице тишина... А в Осетии сейчас, может быть, какой-нибудь малыш забился под кровать и кричит, перекрикивая автоматную очередь, зовёт маму, а мамы больше нет...

— Настенька, родная моя, ну что ты? Я за тебя любому глотку перегрызу. Только не забывай сейчас себе этим голову, скоро всё наладится, я уверен. Не будет войны, такие встряски бывают, ещё не было в истории ни одного спокойно-го столетия. Беда на беде. И мы переживём. Понимаешь, милая, надо жить сейчас. А когда беда придёт, тогда и поборемся.

— Я детей хочу! Я мамой хочу побыть и хочу, чтоб мои дети тоже счастливы были...

— Ну-у-у, всё, приехали. Ну что ты плачешь? Сама себе проблемы придумываешь. Водички принести?

— Не надо.

— Ну что? Спим тогда, всё, успокойся, поспи и всё пройдёт. Все будет хорошо.

— Угу, спокойной ночи.

— Володь, ты спишь?

.....

— Не притворяйся, ты не мог так быстро заснуть.

.....

— Ну и ладно. Спи.

* * *

Сегодня утром проснулся с мыслью о ней. Проснулся, вспомнил, и сразу стало так холод-

но... такое чувство, что она только что лежала рядом с тобой, а теперь ушла.... И теперь стало пусто... тоскливо...

Чищу зубы и думаю о ней. Собираюсь на работу, а она по-прежнему не выходит из головы. В голове отрывки вчерашней встречи. «Встречи»... Сказал тоже, да мы с ней вчера весь день практически, вместе провёли.

Придя на работу, я понял, что и работать тоже не могу. Постоянно ловлю себя на том, что улыбаюсь. Разговор в голове продолжается, я говорю, она отвечает. И всё так складно.

Всё время, всё время о ней думаю. Не прошло не единой минуты... Неужели я влип?... Её улыбка... боже, какая у неё улыбка! Как же хочется схватить её и не отпускать. До сих пор чувствую её объятия, она так крепко и в то же время нежно обнимает....Только , я не могу понять, что ей нужно. Мне показалось, или она действительно видит во мне только друга? Чёрт, она такая... Такая! Лёгкая, веселая да ещё ко всему прочему и чертовски красивая!

Ну и ладно, пусть будет подруга, чего я голову себе морочу? Главное, чтоб она не исчезала из моей жизни.

Нет... я хочу её целиком, всю! Да-а-а... Надеюсь, это пройдёт, скоро пройдёт...

Да какие, к чёрту, друзья?! Я что ей, мальчик, что ли? Она женщина, я мужчина. Должна уже понимать, что к чему. Нет, так нет — до свидания, переживём!

...Да с чего я взял? Боже мой, тоже мне, романтик нашёлся... Раз погуляли и всё — растаял. Позвонит — хорошо, нет — ну и ладно, ещё лучше!

«Позвони мне, позвони, позвони мне, ради бога, через время протяни голос тихий и глубокий»... Какая гениальная песня... ну надо же, не замечал даже! Хм... забавно...

Это невероятно, меня начинает всё это раздражать, я абсолютно потерял гордость! Я отправил уже два сообщения, а она ответила только на одно и то сухо как-то...

Сидишь, как идиот, над телефоном и гипнотизируешь, нет, скорее умоляешь эту чёрную коробочку издать хоть какой-нибудь звук! Ну позвони... ну пожалуйста, ну хотя бы эсэмэсочку сбрось! Нет, лучше напиши, а то я от волнения заикаться начну. Мне писать больше нельзя, а-то подумает, что я её домогаюсь.... А я ведь и вправду... того. А вдруг она совсем не?.. А я

своей навязчивостью только испорчу всё, а так хочется верить в то, что шанс есть. Хочется получить подтверждение того, что она тоже к тебе равнодушна. А она всё молчит... Ладно, подожду ещё. Что будет, то будет, насильно мил не будешь...

Ну напиши!!!

Работай, придурок! Работай!

Не получается.

Ну зачем она мне? Зачем, господи? Одно слово — женщины. Находится на другом конце города, не звонит, не пишет, а всё равно работать не даёт! Вот, зараза, пристала! И самое смешное и обидное, что она даже не собиралась приставать... Десятая сигарета за последние три часа... Невыносимо.

«Дзынь!»

Она! Нет... чёрт, Серёга.

— Да, алё, нет, Серёг, я не могу сейчас говорить, давай я тебе попозже перезвоню.

Ну, не звоните мне никто, пожалуйста! Не хочу никого слышать.

Причём тут бедный Серёга? Он же не знает, что я жду от неё звонка, и не узнает, ещё чего! Я же мужик! Милая... Хорошая моя... ну напиши.

В перерыве мы с ребятами разговорились о войне. Тема очень животрепещущая, парами фраз не отделаешься, завязалась настоящая дискуссия. Я совершенно отвлекся от мыслей, мучивших меня с утра. Я отвлекся, но ненадолго...

«Дзынь!» Сообщение! От неё! Все, я тут же забыл, о чём мы говорили минуту назад, все мои мысли имели только одно направление.

Одно маленькое, крошечное сообщение. Но как о многом оно говорит.

«Я тоже уже соскучилась».

Да! Так. Спокойно! Пока рано радоваться. Вот когда она, прямо глядя в глаза или шепча на ушко, в полумраке скажет мне, что любит, вот тогда можно праздновать победу.

А она непременно скажет.

Пойду работать! Боже мой, сколько энергии!

* * *

За всю жизнь женщине предоставляется много поводов для радости и очень много возможностей почувствовать себя счастливой. Взять хотя бы материнство.

Я ехала домой и с нетерпением ждала, когда же уже я приеду. Хотелось прийти вперёд мужа и устроить для него сюрприз. Приготовить вкусный ужин, зажечь свечи и именно в этой обста-

новке рассказать ему. Я шла и представляла, как всё ему скажу, представляла его реакцию. Мы ведь так давно этого ждали.

Я с трепетом в сердце повернула ключ, быстро сняла сапоги и обомлела. Саша был дома, он смотрел телевизор. Настроение сразу как-то изменилось не в лучшую сторону. Я всегда старалась не планировать, боясь сглазить. Но в этот день я изменила сама себе, всё спланировала, видимо, зря. Ну, никак не ожидала я застать дома мужа раньше себя.

«Ай, ну и ладно!» — подумала я, всё равно, при каких обстоятельствах говорить. Главное ЧТО. Я выдохнула и на цыпочках прошла в спальню. Он сидел в странной позе, слишком уж необычной для него, в какой-то напряжённой, будто он присел на секунду и уже собирался вот-вот сорваться с места. Я подкралась сзади и закрыла глаза ладонями. Он слегка вздрогнул.

— Подожди, — сказал он и убрал мои руки с лица.

Я молча села рядом и посмотрела на экран. По телевизору показывали какие-то документальные съёмки. Что-то про войну. Не знаю, не до этого мне было.

— Саш, посмотри на меня, пожалуйста.

— Анют, давай попозже.

— А ты чего сегодня рано так?

—

— Я с тобой, кажется, разговариваю.

— Что? Я? А, я... Меня, в командировку отправляют, я вещи собрать...

— Да ты что!? Надолго?

— Не знаю.

— А куда?

— Вон туда. — Сказал он и указал мне на телевизор, — Это Осетия. Я должен сделать репортаж.

Теперь этот документальный фильм показался мне самым страшным фильмом на свете. Я прочла в верхнем углу экрана: «Прямой эфир».

У меня закружилась голова. Я откинулась на спинку дивана. Слёзы сами по себе потекли из глаз, не хватало воздуха, я стала захлёбываться.

— Аня! Ты что? Что случилось? Я же ещё не уехал, может, всё это закончится, пока я туда доеду? Ты что же меня хоронишь-то?

Он пытался меня успокоить, я бы с радостью, но я не могла себя контролировать. Рыдания вырывались изнутри, разрывая грудь. Он принёс мне воды, пытался напоить меня, но вода проливалась мимо рта. Он придерживал мою голову и понемногу вливал в меня воду, так

чтоб я успела сглотнуть. А потом крепко обнял. Я немного успокоилась.

— У нас будет малыш, — тихо сказала я и снова залилась слезами.

К сожалению, я не могла рассмотреть его реакцию, слёзы застили взгляд. По молчанию я поняла, что новость его ошарашила.

— Да ты что... — растерянно произнёс он.

— Ага.

— Это точно?

— Совершенно точно. Я сегодня была у врача.

— Любимая моя...

Он крепко обнял меня и поцеловал. Потом стал покрывать поцелуями моё солёное от слез лицо.

— Родная моя, Анечка, Господи... — Я почувствовала, что что-то горячее потекло по моей щеке. Я открыла глаза. Он плакал. Теперь уже я обняла его и крепко поцеловала.

Мы очень долго сидели обнявшись, боясь сказать слово и нарушить эту тишину, это единение душ.

Видимо он не понаслышке знал о том, что происходило в Осетии, раз решил уволиться. Он позвонил в редакцию и сказал, что больше у них не работает. Конечно, был скандал, его называли трусом, гарантировали, что его больше не возьмут на работу, даже в самую захолустную газетёнку. Но он не испугался. Он поступил как настоящий мужчина. Я снова была счастлива. Потому что я замужем за этим мужчиной. И у нас будет ребёнок. И наш малыш будет самым любимым на этом свете.

* * *

Какое-то тупое безразличие, лежу в яме второй день, видимо, когда-то это был погреб, сейчас сложно разобрать. Где-то наверху слышится автоматная очередь, раздаются взрывы, крики, стоны. А может, мне это всё кажется. Но мне спокойно, тепло, в теле приятная слабость, встать не могу, кружится голова. Два дня я ничего не ел. Во фляжке осталось совсем немного воды, хорошо, что рядом есть ещё люди, хотя какие это люди, тела. Но наверняка у них ещё есть вода.

Я вижу луч света, пробивающийся сквозь дырки. Значит, уже взошло солнце. Я дышу тихо, размеренно... Какое-то неведомое блаженство овладело мной, мне вдруг стало на всё плевать.

Пули больше не свистели, час назад я слышал отдаляющийся рык грузовиков. Теперь во-

круг была тишина. Я пролежал так до вечера, изредка переворачиваясь на ещё не затёкший бок. Рана почти не болела, только слегка поса-сывала изнутри и пульсировала. Её нужно было чём-то прижать, чтоб она перестала нарушать моё спокойствие. Я перевязал её каким-то об-рывком ткани. Чуть позже я рассмотрел ото-рванную кисть руки, валявшуюся рядом со мной. Тряпка когда-то была рукавом. Всё рав-но. Ну, рука, ну и что? Даже странно, что всё равно. Ни о чём не думаю. Я даже не думаю о смерти. И сейчас мне совершенно все равно, чем кончится война. Я вне игры. Я свободен, сейчас я чувствую себя свободным как никогда раньше.

Я думаю о далёких странах, я вижу море, та-кое спокойное и безмятежное, как я. Как только мне наскучит лежать в яме. (А наскучит мне обязательно, таков закон. Всё рано или поздно надоедает, если это не разнообразить.) Так вот, когда мне наскучит лежать тут, я поеду к морю. Искупавшись в прохладном море, я буду отды-хаться на топчане, покрытом чистыми прохладны-ми простынями. Буду ощущать влажно-солё-ный запах моря. Рай на земле...

Как всё глупо.

Убью любого, кто нарушит сейчас моё спо-койствие, будь то наш или враг. О Господи, спа-сибо тебе! Спасибо тебе, Боже, за эти счастли-вые минуты, часы и дни. Я не знаю, сколько вре-мени, я не знаю, какой день и что там у нас происходит наверху. Теперь я понимаю, что всё это не важно, что всё это ерунда. Важно, как я себя ощущаю здесь и сейчас.

Верка, наша медсестра, она вроде тоже вчера была в яме, сейчас её нет, что-то не видно. Зна-чит, выбралась. Жить захотелось. Пускай, моло-дая ещё.

Ночью стало прохладно, я стянул с сержанта бушлат, вонь от разложившегося тела усили-лась. И всё-таки как удивительна смерть. Она будто смеётся над нами. Живёшь, живёшь, а по-том раз — и протух. Сгнил — как яблоко. И сколько таких уже на наших полях погнило и ещё погниёт... Сержант Хлыстов был ещё моло-дой, ему был 21 год. Он всегда носил в нагруд-ном кармане фото своей девушки. Не краси-ца, но, говорит, больно преданная и хозяйка хо-рошая. Я достал фотографию и начал рассматривать её. Яркая такая фотография, в саду в каком-то в цветах. И очень даже ничего. Такая искренняя улыбка. Ай, ладно. Теперь уже всё равно, я швырнул фотографию. Она упала лицевой стороной вниз.

Я накрылся с головой. Стало теплее, я уснул.

— И уж точно не восьмой человек на этой земле, продолжать можно бесконечно. Люди рождаются и умирают, они так же, как и ты пе-реживают то, что с ними происходит. Всё это довольно банально, поверь. Со всеми такое бы-вает. Это жизнь, понимаешь? Это нормально. Войны всегда были и будут. Это одна из самых вечных тем.

— Да я всё прекрасно понимаю...

— Ну а что же ты тогда плачешь, глупышка?

— Я больше ничем не могу им помочь...